

Л. Бородин

БЕСКОНЕЧНЫЕ СКОБКИ,

или

ВЫДАЧА ПО АВОСТУ

Дерево освещено солнцем. Кошка спит на диване. /Глаз вихватывает предметы как ему заблагорассудится/. Лампа на столе. Часы. Часы стоят. /Это и к лучшему/. Перечисляя реалии, можно обрисовать жизнь. Сказуемое вовсе не обязательный член предложения. Цель. Стакан возле лампы. Он пуст. Чем не подходящее время для того, чтобы наложить пушу на бумагу? /Для этого подходит любое время/. Душа взывает о помощи. /Самое главное - писать, не останавливаясь. Тогда - слово за слово - дело пойдет. Самое главное - чтобы никогда было обдумывать написанное!/. Душа взывает о помощи, но к кому, к кому она взывает? Вопрос о существовании Всевышнего оставил пока открытым. Как будто открыта скобка. Стиль прозы - это ритм внутреннего дыхания, ему нельзя не подчиниться. Вообще все определяется дыханием. Название нуждается в расшифровке, но избранный стиль не допускает комментариев. Потом, потом, потом!

Когда-то я видел такую картину /кажется, она называлась "Вертикальный пейзаж" или что-то в этом роде: окно подвала, высокое, зарешеченное, с вытянутым вентилятором, за ним - дверца какого-то сарая, западенная ящиковами, еще дальше, то есть выше, потому что эта картина разворачивалась не вдаль, а вверх - забор, задняя сторона забора, вероятно, отгораживающего улицу от этого малкого домика /я не могу разделить теперь, черезолько лет, впечатление от картины и какие-то домыслы и ощущения момента ее созерцания, давние уже сросшиеся с ней в единый феномен воспоминания/, еще выше - кабина грузовика, еще - дерево, хлесткий осенний ветер, еще выше, в невероятном вертикальном отдалении от окна /стоп! там еще был педоконник, а на нем - зеркало, а в зеркале еще и отражался низкий потолок с лампочкой на шнуре! - дом, большой дом современной блочной постройки, да и тому же оставалось еще место для неба, нормального, в меру голубого осеннего неба /нет, кажется, она называлась "Киев. Вертикальный разрез"/. Почему-то теперь вдруг подумалось: именно так, вертикально, душа представляет себе мир /да, вот что важно, пожалуй: там забор и все, что выше, было освещено ярким солнцем, просто - залито им, а нижняя половина картины

оказывалась неподступной для солнечных лучей, создавалось впечатление контраста, впрочем, отнюдь не ярочитого/. Первое и главное впечатление от мира - зрительное, и добавок вертикальное: папина нога, выше - папина рука, еще выше - сам папа, та есть его лицо, а если сунуть голову как только можешь - потолок. Непонятно, однако, что может отсюда следовать.

АВОСТ - специальный термин. Термин, употребляющийся людьми, эксплуатирующими вычислительную технику. Постепенно устаревший термин. Аббревиатура от слов "аварийный останов". "Останов" - жаргонное словечко, возникшее, вероятно, от нестоличного сокращения слова "остановка". Раньше, лет пятьдесят тому назад, когда средний программист действительно "работал на машине", сидя за пультом управления, в его сознании не было разрыва между "программой" и "машиной", они воспринимались как нечто цельное - "машина стала" и "программа не идет" - мы почти не сознавали разницы в значениях этих выражений,- тогда и появилось перенесение понятия "выпачка по АВОСТУ" на слишком откровенный и неуправляемый словесный поток. Выпачка по АВОСТУ или аварийная выдача - это когда машина, столкнувшись с невозможностью продолжать работу по программе /или боязня программист, либо в исходных данных пропустила что-то перфораторщица/, печатает подряд все, что находится в ее задоминирующих устройствах, другими словами, аварийная выдача - это когда "выдается" все подряд. /Подробнее см. мертв в специальной литературе/. Как уже начдался проницательный читатель, символический смысл названия глубже, чем мне удалось объяснить. При "переводе с профессионального" кое-какие оттенки рассыпались. Но тут ничего не поделаешь - жargon /любой; и профессиональный тоже/ спасает нас, когда, казалось бы, совсем уже негде укрыться от неминуемой высокодарности. /Впрочем, я уже предвиджу, что никакие бесконечные скобки не помогут, и я почти ни с чем не смогу сказать, как хотел бы. К этому еще вернемся. Оставим скобку открытой как и в вопросе о Всевышнем/. Кстати /может, но так уж и кстати, но пока пойми, что будет в таком тексте кстати, а что - нет/, кстати, в пятидесятых-шестидесятых годах программисты вообще в чем-то были похожи

на летчиков начала века - от них тоже требовалась прежде всего нестандартность действий, и даже - не поборись таких смел - нечто романтическое было тогда в этой профессии /может, я так пишу просто оттого, что краем своей молелости успел захватить край того времени и глотнуть чуть-чуть, как мне теперь представляется, "настоящего программирования"/. С развитием вычислительной техники /как и с развитием эвакации - отсюда я выхнатил аналогию/ требования нестандартности сходным образом изменились на противоположные.

Уходящее мое пальцев время смеется надо мной. Смелее! Главное - не бояться быть банальным. Надо все высказать. Все высказать невозможно. И не к чему вообще стремиться высказать все. Язык не перехватишь. Текст сам себе поставит рамки, ненарвные и всякие другие. Это только кажется, что мы управляем текстом, текст живет своей собственной жизнью, если и связанный с нашей, то с противоположным знаком - он управляет нами. Текст обладает такой же суверенностью, независимостью и даже загадочностью, как человек. Как бы много мы ни знали о человеке, ничего мы о нем не знаем. Даже о себе. Поэтому я и пишу. /Мисль выхватывает понятия почти так же произвольно, как глаз - предметы/. Чем отчаянней безысходность, тем больше надежды в душе... жить без надежды невозможно. Без веры можно, а без надежды - нет. Вера - это простейшая форма надежды /к слову о Воскрешении/. Направляется /параллельно - изучавшее противоречия между смыслом и фактом написания/: "жить вообще невозможно" - но написать такое? Как в одном стихе - "зачеркнутое навеки". Спасибо квантовой механике за то, что случайность получила права гражданства. /Даже действительно взывая о помощи душа продолжает играть в бирюльки. Возможно, осужденный на смертную казнь так радуется прогулке по теремному двору в солнечную погоду. Странно. Как легок человеческий переход в ощущения, о которых нельзя иметь никакого представления, не испытав их. Любая проза неэтична хотя бы по этому, иу, почти любая. Достоевский имел право. Поззия, впрочем, тем более неэтична/. Поззия /вынесем ее из скобок, она всегда - за скобками/ привела к тому же - "случайное,

двались неизбежным, приносит пользу всякому труду". /Даже действительно взывая о помощи, пуша мыслит цитатами/. Парадоксы как прием мышления – признак незрелости. Парадоксальность как форма восприятия – основа мудрости. /Принцип дополнительности/. Учите физику, поэты! /Лишь ей, единственной, дано.../. Чем выше уровень парадокса, тем легче ему перестать быть парадоксом и стать теорией. Гениальное – не просто, а парадоксально. Жизнебиение нельзя отделить от отчаяния. /Благодущие – враг жизнелюбия. Только истомившись блузжанием во мраке душа подлинно ликует, выходя на свет. "Вечор, ты помнишь, выуга звилась...". Снова настает вопрос: мир в нашем представлении вертикален, и верхняя его часть – залита солнцем. Мы живем в подвале, поэтому зеркало на подоконнике отражает низкий потолок. Смотрите поверх зеркал! Да, о чем это мы? Судьба теорий, как правило, бывает парадоксальной. Парадокс – не рангу, но напряжение мысли и страсти – выше аналогии. Жизнь не может быть понята на уровне аналогий, ибо жизнь парадоксальна. Если бы не парадоксальность жизни, она была бы вполне бессмысленной. Хотя прекрасные грехи и иллюзии вносят разбавление в парадоксы, именно они учат нас не терять надежды. Жизнь – это устоявшаяся неравновесность. "В полости рта не уступит карнес Греции Древней по немыслимой мере". /Не хватит мне напряжения мысли, чтобы сказать то, что хочу! А что я хочу сказать – я знаю точно; осталось только перевести в слова зрительный образ, научить глаз выхватывать предметы из необозримой пустоты опыта не быстрее, чем рука способна синхронизировать выхватываемое/. ...Освещенное солнцем дерево еще можно описать, а вот сияющую на киванье комку... /Серика! Там еще, на той "вертикальной" картине, комка была – единственное, если не считать, конечно, кабинки грузовика, живое существо/. Закрываю сразу две скобки, что не положено по правилам, потому что иначе вконец запутают читатели и, безусловно, запутаешь сам. /Открыта, если не считать ближайшей, одиннадцатой скобки – перед словом "ие"/. Итак, глаз не столь уж и произвольно выхватывает предметы – и дерево, освещенное солнцем, и спящая комка, – открывши собой это новоиспеченное –

результат из картинки "Вертикальный разрез", с которой я в тот момент не пухал /или мне только казалось, что я о ней тогда не думал?/. Возможно, когт работают как мультипроцессорное устройство с прерываниями, и все наши представления о чем - лишь халкое искельное доссобие?/.

Одно перемежается другим, самое главное не имеет продолжения, события изымаются друг из друга, и когда человека обижает ночная электричка, трудно поверить, что случайность - проявление закономерности. Приходится все время менять точку зрения. Котина - инструмент. Может, она что-то большее, чем инструмент, но и инструмент тоже. Пока речь не идет о жизни и смерти, каждый - pragmatik. Ирая Эзоп - нет ничего лучшего, чем язык, и нет ничего, что было бы хуже, чем он. Естественные языки не оставляют надежд когда-нибудь познать окончательную истину с их помощью. Дело не в том, что естественные языки несовершенны - просто и не существует никакой истины, кроме точки зрения. /Да и само выражение "точка зрения" в высшей степени двусмысливо. "Прошлое в свете нашего опыта". Нельзя так говорить! Это наш опыт освещен прошлым. Такие рассуждения, боясь, могут слишком далеко увести/. Вы считаете, что я слишком рассудочен? /"Смоленская дорога. Техория систем. За окнами каретки - атмосферное давление..."/ Дело хэзайского. Вы имеете такое же право на свой набор точек зрения, как я - на свой. Вскусство жить, вполне возможно, в том и состоит, чтобы умел пользоваться комплектом инструментов. Это эквивалентно глубокому усвоению каких-то истин. Знать и не уметь использовать - не значит знать. Тут еще, конечно, стоит выдвинуть вопрос о Всеобщем - в связи с Истиной и истинами, но мы снова увильнем. Ориентироваться в пространстве на самом деле гораздо легче, чем во времени, хотя это не сразу понимаешь. С годами понятия "прошлое" и "будущее" утрачивают четкость, становятся расплывчатыми. Свое прошлое путаешь с прошим вообще. /Как жалая бы я вернулся снова в те "прошлое" /исо? вообще?/, где я мог еще признаваться в любви и жалеть любви/. Вопрос о будущем подвигает в воздухе. Трудно представить будущее без себя. Былующий мир без людей - еще труднее. "При слове "будущее" из

русского языка выбегают мысли и всей оравой...".

Мысль моя никак не разворачивается, кажется, вот-вот обрвется. /А стоит ли вообще "разворачивать" мысль? Не лучше ли представить ее компактно в виде формулы, где - скобки, скобки, скобки?/. Может ли вообще обрваться мысль? /Но "прерваться", а "обрваться". Разница есть. Но второе слово лишает нас надежды/. Может, но только вместе с жизнью. Итак, попытаемся формулировать. Жизнь - бесконечное перемежение одних мыслей другими, чехарда идей и замыслов, возвраты и спуски - отходы, переходы на другие уровни мышления /как в квантовой механике - скачки/, отрицания и отказы, снова - утверждение отвергнутого; жизнь - бесконечные скобки. /Написав так, я вздрагиваю - выходит, я взялся писать о жизни? У меня, конечно, была такая тревожливая надежда - когда-нибудь написать "восемь строк о свойствах страсти", но - сейчас, вот так, сразу, с бухты-бахти, да еще и объявив об этом во всеуслышанье? Ну-ну... И однако, жизнь - бесконечные скобки; мы к этому привыкли, ничего не поделаем! Чего я боюсь в самом деле - читательской насмешки? Да не боюсь я ее, к сожалению, - правки быть сам для себя и редактором и читателем/. И о чем же писать - если не о жизни!

Речь - сбивчива, цеплятина, непразумительна. Мысли - отрывисты... Мы мыслим, как живем - пятов через десятое. /Мыслим, как живем... живем, как мыслим.../. Может, это только я так живу и так мыслю - сбивчиво и отрывисто? За стеклом стук и грохот - там идет ремонт. Дерево по-прежнему освещено солнцем, но кошка уже ушла с дивана. Да, да, о чем же я писал?/

Концы с концами не соединяются. Трудно подумать что-либо до конца. У мысли может быть лишь один возможный конец - поступок. Но даже решение - не конец мысли, не ее итог, решение - по существу, тоже не более, чем мысль. /Поступок. Оно из ключевых слов новой этики. Но что считать поступком? Так многое действий, совершенных нами, выполняется автоматически, без принятия решения, что скорее решение следует называть поступком, чем действие - грань между мыслью и поступком тем самым стирается полностью. /Выходит, мысль

— уже поступок? /"Не покелай жены ближнего своего"/. Выходит, правильно поступали /обратите внимание: "поступали" — то же слово/ инквизиции всех видов и времен, уничтожая иных мыслящих. /Но разве можно не "иначе" мыслить? Впрочем, это уже даже не игра словами, а игра в словечки/. Выходит, мы не свободны даже в своих мыслях?/. Каждый знает, однако, что мысль и поступок — различаются, и, может быть, даже это одно из настоящих, коренных различий, и нельзя жить, не отделяя мысли от поступка. /Да и в языке не было бы двух разных слов, если бы все было не так. Это только кажется, что речь щедра на синонимы — настоящих, полных синонимов почти нет. Всякое исследование жизни сводится к исследованию языка, точнее, к манипулированию языком. Стадо быть, вопрос о мысли и поступке еще не до конца ясен. Вдумавшись, понимаешь, что он не так уж и интересен/. Жизнь — алгебраическое выражение, где скобки открываются и закрываются невпопад. Кроме скобок — еще и помарки. Жизнь невразумительна. Пронзительный скрип тормозов. Дерево по-прежнему освещено солнцем. Хочется пить. Есть разговоры, о которых нельзя рассказать — их можно лишь повторить слово в слово. Бывает, что лишь тембром голоса передается глубина смысла. /О, какой у нее был голос! — но это к делу не относится. Впрочем, как сказать. Я, кажется, говорил где-то в начале текста, что главное восприятие мира — зрительное? Беру свои слова обратно. Главное впечатление души — звук, от "музыки сфер" до этого пронзительного скрипа тормозов. Я люблю ночь, потому что ночью я лучше вижу звуки/. Самые главные, самые "те, единственные" разговоры, на первый взгляд — совершенно пусты, это в лучшем случае; в худшем — просто абсурдны. /Помните "Все на продажу"? Ну о чём там говорят? Господи, о какой-то полной чепухе/. "Все на продажу"... Ленинградский зимний день, снег и яркое белое солнце. Такое солнце зимой я видел только в Ленинграде. Воспоминание — не о первом просмотре "Все на продажу", а о втором или даже третьем. Но фильм вписался именно в этот зимний ленинградский день. Мы ходили перед кинотеатром, скидая начала сеанса. Мерзли носы, но в общем было тепло и весело. Вспоминать себя тогдашнего — удивительно и даже страшно — столько еще огня было,

и даже всыхивала то и дело немыслимая надежда, что так все гда будет, и если б мне рассказали, каким я потом стану, не поверил бы, а поверяя тогда - сошел бы с ума, либо покончил с собой; это я безо всякой иронии уверен. /Постепенность - вот что делает возможным любое изменение в человеке, постепенно възращается в душу цинизм, разрушая ее, постепенно перестаешь различать роль и сущность/. Я уже знал, что увижу на экране, я знал, что весь этот день, да и следующий, буду жить как бы наполовину в фильме, буду зорче видеть и чутче слышать, буду замечать все оттенки - оттенки именно того типа, который близок авторам фильма. Вам никогда не случалось испытывать подобное? Вообще, кино... - впрочем, нет, не сейчас, не в скобках, о кино мы еще поговорим, оно заслуживает разговора вне скобок./. Пьеса, которая правильно передавала бы жизнь, должна была бы состоять из нудных бесмысленных невнятных разговоров, полных темных туманных намеков. Режиссер, который смог бы поставить такую пьесу, был бы не просто гением /даже с труппой гениальных актеров/, он был бы гением, объясняющим все сразу. И все равно такая пьеса могла бы выдержать только одно представление. А в таком случае - разве это пьеса? /Что родит театр с наукой - необходимость многократного повторения эксперимента/. Драматургия стремится к идеалу невразумительности, но никогда не достигает его /закономерно, что чеховская "Чайка" с треском провалилась, удивительнее - другое, - потом удалось поставить/. Искусство отказывается правильно передавать невнятницу жизни. У него - свой путь. Искусство убирает бесконечные скобки. Искусство, как и история - величайший редактор и корректор. Оно выискивает структуру в хаосе. Скобки открываются - скобки закрываются. Количество левых скобок должно быть в точности равно количеству правых. Уравновешенность. Соразмерность. Гармония. Единство места. Единство времени. Еще какое-то единство. Гекзаметр. Сонет. Венок сонетов. Корона сонетов. /Между прочим, вопрос еще - выискивает структуру или создает. А может, приносит? Или даже воссоздает?/. Итак - сонет, венок сонетов, корона сонетов. Следующая ступенька? /знаю, что ее не будет, а халь/. Что требуется для

следующего шага — уже, должно быть, никакому Брюсову не оставить — надо ориентироваться на технический прогресс, на рост машинной памяти, быстродействия, на человеко-машинные системы. /"От хаки изнываю у ручья... И вечный мах и вечная ночь... И вечный бой, покой нам только снится... Куравдик в небе, а в руке синица... Мне щепчет рачья мудрость дурачья". /Нанизал рядом чужие строки друг на друга, с горестным изумлением виду — срастается! / "...Скажу смиренно: "Боже! Это я!".../. Какими простыми средствами, оказывается, можно выйти из хаоса вполне организованную систему. Порядок описаний требует внутреннего порядка дисциплины и сосредоточенности. Почти никакой свободы в выборе деталей. Как и в каждодневной "вертушке". Герои не свободны в своих поступках. /Тут мы приближаемся к опасной области — скажет! Я боюсь этого слова. Я знаю, что говорить о скажете придется, но все стараюсь оттянуть этот момент. Вернемся пока к нашему главному бесскобочному тексту — может, он и есть скажет/. "Мадам Бодары — это я" ... Да-с. Ни единого повторения слова в соседних предложениях. Здесь хаосу не пробраться. "Немыслимо из этой суэты построить жизнь, но жить необходимо". /Приншу благодарность всем тем, кого я здесь явно или неявно, умышленно или неумышленно цитирую. Много ли можно сказать "от себя"?/. Речь сбивчива, то есть живая речь сбивчива, вот что я хотел сказать. Живая мысль свободна. Свободна сама по себе, а не вопреки чему-либо. Дисциплинировать мысль нельзя. Можно ее приручить. /Рубленные, чеканные фразы. Уверенность. Безусловное познание через стоголовое утверждение. Кто ясно излагает, ясно мыслит. Сила через радость и каждому свое/. Приручить можно. Мысль — это тигр; можно перехитрить наследственность, но генную структуру не деформируешь. Тигр может даже в цирке выступать. Вот годова укротителя у него в пасти. /И хочется, и колется... Бедняга — тигр. Тигру сочувствую острее, чем укротителю. Укротитель... Тигры... Укротительница... Укротительница?!.. Как я мог ее позабыть, эту сумасшедшую женщину с горячим взором и неправильными чертами лица /потом она бросилась вниз, в пролет, в провал; нет, я не видел; я узнал немного позже, еще в одном "потом", незаметно превратившемся в "тогда, давно"/, как я мог ее

позабыть? Вот возникает она перед взором памяти – в неверном свете ночного холла, и совершенно отчетливо, а вспомнить события или ощущения того времени невозможно, потому что – никаких ориентиров, никакого колышка, от которого можно было бы плясать; только безумные способны на такой рассказ – подвиг прямого контакта, – слов не помню, сути не помню; и тогда и сейчас напрягая здравый смысл, чтобы объяснять себе, что в ее рассказе не было ни слова правды; да и обращен он был не ко мне, а к моему другу тогдашних времен, с которым мы давно утеряли всякую связь – ему, а не мне она передавала себя, в прямом и переносном смысле одновременно – и вся эта история /не уточняю, что я имею в виду, говоря "история" – рассказал ли ее история или ту цепочку взаимосвязанных воспоминаний, которые ассоциируются у меня со словом "укротительница" и горящими глазами в неверном свете ночного холла – мне приходится характеризовать одними и теми же словами. Я неверно сказал о "цепочке воспоминаний" – они как бы независимы, образуя, однако, цельность – вроде звезд Млечного пути/ – и вся эта история настолько правдива, неправдоподобна, логична, нелепа, глубока и бессмысленна, что пересказать ее мне не по силам. Здесь надвигается скют, скют настоящий, серьезный, болезненный – который мне действительно не по силам. Все, связанное с укротительницей, кажется мне невсамделившим, выдуманным, не происходившим на самом деле. Между тем, это было, было, было – было в действительности, на самом деле, и многое происходило на моих глазах. Помню и место и время действия. Память не хочет /удерживать не укладываемое в границы обыденных представлений, слишком уж из ряда вон выходящее. Она постепенно лишает события их яркой, грубой, живой плоти, их начальной неразмытой формы /это, впрочем, относится к любым воспоминаниям/. Иногда, когда вдруг оказываешься в эпицентре каких-то нелепых событий и не втыснутых в рамки, разрушительных страстей, вдруг откризаешь, что мир устроен "по Достоевскому", с надрывами и бесами, – но потом, когда жизнь выносит из эпицентра, из водоворота, где от легкого испуга до реальной гибели – игновенья – потом на удивление быстро забываешь открывшуюся тебе правду /какую? а уже и не знаю – какую!/

и начинаешь чувствовать мир совсем по-иному – более спокойным, регулярным, надежным. Казавшееся озарением теперь воспринимается как наваждение. Видимо, такова защитная реакция организма на опасность. Та бедная, безумная укротительница была как быносителем заряда опасности, вокруг нее простиралось поле, подобное электромагнитному – поле опасности. Я мог бы сравнить ее с шаровой молнией, если б не густая пыль и жирная грязь, окружавшие ее. Не знаю, возможно ли чистое безумие, но это безумие было грязным. Грязным – не в переносном, а в буквальном смысле слова, потому что первое, что я невольно "запомнил", впервые увидев ее – чрезвычайную зачерненность воротника ее блузки, какую-то общую неопрятность и наженственность. Тут же сразу ощущение нечистоты оттеснилось на периферию сознания – как только начал рассказывать мой друг тогдашних времен, как только заговорила она. Безумье – безумьем, а то была живая человеческая мука, отчаянье, безвыходность ситуации – и, вопреки всему, полет фантазии, своего рода вдохновенье, талант даже. Теперь меня поражает, как я мог хоть на секунду поверить ее рассказу, поверить, что она была прессыровщицей и работала с тиграми, как я мог отделить произносимые слова и огонь в ее глазах от черноты ворота, чулок с лирами, слоя грязи на лице? Непоставало мне жизненного опыта, не вынашивалось еще временным недоверчивое отношение ко всему, не созрело понимание того, что лучше /безопасней/ не верить, пока возможно неуверие. Но об этом я скажу особо. И потом – заражала и заряжала вера моего тогдашнего друга. Мой друг не стремился уйти из поля опасности, которое распространялось вокруг укротительницы, наоборот, он, как лермонтовский парус, искал "бурь" и даже "гибели" /не забывайте – она действительно погибла, и никакие слова не могут передать леденящего ощущения подлинности, когда я, чтоб сбить волну страха, заключаю слово "гибель" в кавычки/. Видимо, защитный заслон его страха, та линия укреплений, которая оберегает любое живое существо от гибели /"доверься страху, он тебя хранит"/, был сметен и разрушен в первые минуты или часы их знакомства, а потом он действовал уже как гипнотизированный. Но, надо сказать, некоторые реалии этой истории тоже были впечатля-

ющими, по крайней мере одна - на животе у укротительницы, как мой тогдашний друг под большим секретом поведал мне, остались глубокие шрамы от когтей тигра - четыре странных параллельных шрама. Позже, гораздо позже, усталая женщина-дехихатр в Белых Столбах объяснила ему, что то были не следы когтей, а следы ножа - кто-то когда-то полоснул ее несколько раз ножом /я все ухитрился позабыть - кто и зачем, а ведь помню, что и эта история интересна и страшна сама по себе!/. Согласитесь, не самое обычное зрелище - четыре длинных шрама на животе женщины! Плюс ее безумная уверенность в правде собственных слов - как не поверить в то, что это следы когтей?! А дальше - дальше уже веришь и во все: все остальное, и в жестокую, озверевшую мать, поместившую ее в сумасшедший дом, и в развратного юноши главврача, который потом боялся ее оттуда выпустить, и - и во все остальное. Мой тогдашний друг попал почти в самую сердцевину этого безумного поля опасности. Он стирал ей белье, кормил ее; а она убегала от него, потом снова возвращалась, пока милиция не высадила их обоих из вагона метро на станции "Парк культуры", откуда ее увезли в Белые Столбы, а его заставили в отделении написать "показания" и отпустили с миром. Потом... - но я хочу, пока еще не поздно, отпрыгнуть в сторону, убежать от подминающего меня под себя ската, я не могу, не хочу, да и не вправе об этом писать! Считайте, что я отрусил. Тем более, что я и вправду отрусил/. Да и само это воспоминание проникло в мой текст "с черного хода": Случайная цепь мыслей /скорее - кружево слов/ привела меня /тогда уж, может быть - "привело"? - короче, я пришел/ к слову "укротитель", услужливая привычка к варьированию ритмов добавила требуемый суффикс, и так появилась "укротительница", а дальше - я уже говорил - в неверном свете дочного холла... А ведь у меня уже стояла перед глазами следующая фраза - цитата - "Укротителем заперта рысь на замок, сорок стражей-годов караулом у дверцы", и ясно себе представляя, о чем дальше говорить. Если бы не суффикс...

Вздохнем поглубже. На чем мы остановились? Вдруг оказалось, что и писать как будто не о чем. Мысли и образы, которые я отгонял, дабы они меня не отвлекали, теперь оби-

делись и затаялись. Ночные прогулки на Ленинских горах... Кадры из фильма "Женщина на один сезон"... Рокот бульдозера, яркое солнце, столетней давности субботник... Мысль произвольно тасует ассоциации. Дерево освещено солнцем, но теперь это не та безусловная освещенность, что в начале моего рассказа, если мой текст можно назвать рассказом. Надвигается вечер. Почему я чувствую холодок узнавания, написав эти два слова "надвигается вечер"? Ага! - "надвигается вечер, стахановец в темном забое, исполняется время, в судьбой запасенное впрок"... Поток сознания - вообще "без скобок", все смешено, все - смятенно, никакой грамматики и уже заведомо никакой пунктуации казнить нельзя помиловать сквозь деревня мимо мужика режьте братцы режьте режьте осторожно, режьте чтобы видел пассажир дорожный. Точка. Мы снова на столбовом пути - мы снова предлагаем глубокоуважаемому читателю судить художника по тем законам, которые тот над собой признает - по "Правилам орфографии и пунктуации русского языка" 1956 года. /В основном по ним. Ну - поставлю лишнее тире или забуду скобку закрыть - разве в этом дело! Я на самом деле хочу вам о многом рассказать, обо всем, - ну не обо всем, так почти обо всем, и дай бог мне сказать хоть сотую часть того, что идет выхода/. Главное - скобки. /Предложение о скобках эффектнее выглядело бы, будь оно само взято в скобки. Впрочем, и так к нему сгущается некая скобочная симметрия/. Я хочу многое рассказать, но в том порядке, в каком мне заблагорассудится, и никак иначе.

Правду можно сказать лишь случайно, невзначай, потому я и не пытаюсь прекратить метания мысли или хотя бы урезонить их, направив в какое-то русло. Сожалею, конечно, сиог бы и меня, и читателя как-то ориентировать, но - зачем? Дезориентированность - ключевое слово моей жизни, ее постепенное нарастание, нагнетание - главное содержание внутреннего существования. Направляющего течения русла нет. "Наша жизнь, как река, размывает свои берега". Шкала ценностей разбилась вдребезги. Ориентироваться не на что /за исключением разве что "Правил орфографии и пунктуации" 1956 года/. Жизнь не одарила меня ориентирующим опытом, а, наоборот, дезориенти-

ровала. Некогда остановиться, спокойно залумиться и привести внутренний мир в гармоническое состояние. Остается надеяться на старость – блаженное время приведения опыта в порядок. Внутренний мир постепенно перестает зависеть от внешнего, и в нем устанавливается полная гармония. Но как он халок и нелеп со стороны – старческий внутренний покой. Надо совсем уж выворотить все шиворот-навыворот, чтоб начать завидовать старости. Нам не времени не хватает сосредоточиться и залумиться, мы просто чувствуем нутром, что такое размышление может оказаться гибельным. Я вцепился обеими руками в свою дезориентированность, как в последний оставшийся ориентир. Я съято берегу беспорядок, царящий в луше.

Прекрасный, погибший совсем молодым поэт закончил лучшее стихотворение словами "...пока не обретет рука божественного беспорядка" /или "...пока не ощутит душа божественного беспорядка" – не помню точно; можно было бы найти в столе это стихотворение, но, как мне представляется, здесь грозит двойное нарушение этики текста – этики моего текста и этики его текста с "божественным беспорядком"/. Мне поразительно, пронзительно нравится строка и сами слова "божественного беспорядка" – именно так, в родительном падеже. Я тоже хочу божественного беспорядка. Я не верю в "божественный порядок", не верю, что порядок может быть божественным; в то, что беспорядок может быть таким – верю. /Платье, небрежно брошенное на спинку стула; часы, забытые на полочке в ванной комнате; без малейшего намека на строгие правила и кабаны беспорядочно цатниканные в огромный кувшин цветов сирени; штора, – то ли зачернутая до конца, то ли не до конца открытая; беспорядочное движение теней от листьев дерева, которое раскачивает ветер... В божественном беспорядке, в высоком хаосе дух находит гармонию. Порядок – это низко и оскорбительно для нашей высокой сущности. Тут будет уместно, как бы между делом, отметить, что я осмеливаюсь полагать, будто Всевышнего не существует, что это не более, чем художественный символ – о, какой замечательный, какой глубокий символ! Открытую ранее левую скобку прошу считать недействительной. Правую поставить негде. /Ага, божественного беспорядка и недоставало той картице – "Вертикальный

разрез"/. Мысли, сталкиваются, наскакивают одна на другую — как тут за скобками уследишь. Текст переходит как мысль — от одного к другому — не задерживается. Мы не можем отклониться от разговора, потому что у нас нет определенной темы /об издержках бессмыслицы поговорим позднее/. Мы свободны. Сейчас и только сейчас. /Нет, мы, конечно, и сейчас не свободны, но едва ли стоит обращать на это внимание. Смузить нас подобные обстоятельства во всяком случае не должны. Быть свободным невозможно. Зато можно стремиться к свободе/. Свобода — хаос, абсолютный холод, "тепловая смерть". /Второе начало термодинамики сулит в будущем полную свободу/. /Предвижу раздражение того читателя, который не знает, что такое Второе начало термодинамики. Но объяснять ему не могу — не из высокомерия, а потому, что текст противится. /Когда-то учитель математики в первой моей школе говорил: "Рука не пишет"/. И уже пустякся в комментарии по поводу АБОСТА я чувствую, что эта вставка в моем тексте — как вражеский десант в тылу наступающей армии. А приспособливать свой рассказ для понимания читателя, не имеющего хотя бы смутного представления о Втором начале термодинамики я не могу себе позволить. Хотя бы потому, что сам недостаточно образован для того, чтобы всегда находить общепринятые эквиваленты. Смутного представления, уверю вас, вполне достаточно. Поверьте автору, что Второе начало сулит полную свободу. "Это смерть вторая", как сказано в Апокалипсисе/. Нельзя терять надежду. Потеряв надежду, мы теряем все. /Интересно, как звучала бы эта сентенция на латыни? Приступая к подобному сочинению, хорошо бы сначала выучить латынь. Наверняка какой-нибудь римлянин подобное изрек. "Я хотел бы писать по-латыни, чтоб словам умирать молодыми"... Теряя надежду, мы теряем все. О вере этого не скажешь/. Надежда — это, кроме всего прочего, еще и женское имя. /Служалось ли читателю, как мне... /А.Кушнер. "Отказ от поэмы"/. Больше всего нравится эта — первая — строчка/. Служалось ли читателю, как мне?... После этого хочется рассказать о себе всю правду. — не просто "только правду", не только "ничего, кроме правды", а именно "всю правду". Но "всю правду" как раз рассказать невозможно. Как банальны все истории, кото-

рне можно /хоть и с пыткой/ назвать любовными, не замечали? В самом деле — случалось ли читателю, как мне...

— Мы встретились случайно, и вначале не обратили друг на друга внимания...

— Мы знали друг друга, как говорится, с пеленок /наши семьи жили в соседних домах/, и в то дождливое осеннее утро, когда я сел в один вагон пригородного поезда с ней, ничто не предвещало дальнейшего развития событий...

— Это была легкая и приятная командировка, и то, что я отправился туда вместе с молодой и симпатичной сотрудницей, приятно щекотало нерви.

— После разрушения ее первой семьи, она жила вдвоем с дочерью, напряженной, но однообразной жизнью. И пришел в их дом по делу, суть которого не имеет значения. —

И так далее.

Случалось ли читателю, как мне?.. Правду рассказать невозможно. Даже не "всю правду", а просто — правду. /Невозможно принципиально. Снова — аналогия с физикой: либо местонахождение электрона, либо скорость. Либо правду, либо рассказ о ней. Аналогия поверхностная, конечно. Можно себя привычно цитаткой подкрепить: "мысль изреченная есть ложь". Но поскольку я всеми своими словесными выражами пытаюсь пробиться к правде для того именно, чтобы ее рассказать, сказать, высказать, пересказать /масло масляное/, я должен честно еще раз объяснить, что парадоксальность моего занятия мне вполне ясна. Всякая бессмыслица парадоксальна, и тем она хуже и выше всякого скандала. Скептик — что это такое? — форма аналогии. Тут ему и похвала и порицание. О парадокссе и аналогии я уже где-то там "выше" писал/. Невозможно ее рассказать, правду, потому, что она — одна из абстракций, вроде свободы, одна из условностей искусства, не более того. Мы играем с ней, как кошка с мышкой. Дерево уже не освещено солнцем, оно погружается во тьму вместе со всем, что его окружает — с воздухом в первую очередь. Но душа все так же зовет к Всевышнему, в существование которого, если грубо говорить, не верит, и так же хочет себя высказать и так же, как прежде, не может этого сделать прямо и немедленно. Но темп, дыхание, стиль уже выбраны. Это не меньше, в сущности,

чем жанр и сюжет — следовательно, продолжение почти не зависит от меня, я не должен остановиться, как машинка, выпечатывающая все подряд, по АВОСТУ!.

Итак, мы о правде. Может быть, можно было бы сказать правду, если б не язык. Слишком уж он для этого велик, богат и могуч, и поэтому — беден, недостаточен, чтоб рассказать, как мы лукавим сами с собой, пытаясь перехитрить правду. /Вера в существование истины — почти религия/. Да, мы встретились случайно и не обратили вначале внимания друг на друга. Совсем ранняя весна была тогда, даже весной назвать ее нельзя было, мороз — и днем, и ночью, но уже солнце выглядело весенним, и подтаивало, и блестело уже что-то на мостовой. Я запомнил этот вечер не потому, что впервые встретился с ней тогда, я запомнил холодный, чистый, ломкий воздух, который вынуждал решаться на глубокий вдох, и я вдыхал глубоко, как мог, обжигаясь о его ледяную струю. О будущем ничего не было известно, слава богу. Да, так вот, мы не обратили пруж на друга поначалу никакого внимания. /Нет, последняя фраза не о нас, а о ком-то другом — "общенном", безликом! Все, что про ночь, про воздух, про мороз — правда, а это предложение — нет. Ии, конечно же, обратили друг на друга внимание, только не отдали себе в том отчета — ни я, ни она. Тем не менее, суть в другом. Не о нас это — потому что — встреча наша — не первая страница рассказа, не абзац с красной строки, даже, может быть, не новое предложение в данном синтаксическом периоде хронологического свитка, наша встреча — продолжение бесконечного текста, очередная левая скобка, открывающаяся совершенно бесстрашно и невпопад, совершенно эгоистично, безо всякой мысли об общей структуре повествования!. Литература всегда должна с чего-то одного начинать, и здесь — приговор литературе, здесь ее конец. Она уйдет из жизни людей, как ушли ритуальные танцы. /Вот она — моя Напекла, необоснованное упование, заменяющее /с переменным успехом/ и Всевышнего, и строгие заповеди, и блаженство исповеди — надеюсь, что люди еще не так скоро уйдут, надеюсь на маловероятное, надеюсь, что — ни мировой войны, ни экологической катастрофы. Надеюсь. Надеюсь на то, что нелепо. "Верю, ибо абсурдно".

Неужели верю все-таки?/. И как литератор /с вашего по-
зволения/ кажусь себе динозавром. Странно, смертельно не-
поворотливым, предчувствующим неизбежное вымирание. Ли-
тература должна умереть. О, если б я был кинорежиссером,
какой бы я сделал фильм. Кино – это все сразу, все одновре-
менно – лицо, и голос, и слова, и смысл их, и дерево,
и движение листьев, и свет, все это в одном кадре, не на-
до последовательно разворачивать мгновенье, оно существует
ет. Кинофильм – это тысяча книг. Пора перейти от экраниза-
ции книг к описанию кинофильмов. Сценарий – каркас, не бо-
лее того. Надо учиться разворачивать изображение в описа-
ние. Фильм, как натура для писателя, лучше жизни самой по
себе: он завершен, кончен, может быть многократно прокру-
чен. Его можно остановить в любом месте, и перед тобой –
картина, гравюра; ее можно увеличить, из нее можно выде-
лить фрагмент; даже маслом можно написать! Где тот гений,
который опишет "Земляничную поляну"? Нет такого гения и
никогда не будет. Ибо прошлое может заимствовать у настоящего,
но не повторять его, это настоящее может бестрепетно
повторять прошлое. Балет "Анна Каренина"? Ха-ха-ха. /А
весь анлаг!/. О, если б я был кинофильмом! Нет, режиссером
мало, – всем кинофильмом; одновременно режиссером, опера-
тором, художником, дирижером, если б я мог одновременно
исполнить главную мужскую и главную женскую роль /хозяйне
умостреть здесь двусмысленность могут это сделать без
зазрения совести/, если б я мог вдобавок сыграть и все со-
стальные роли; если б я мог сыграть трепет листьев дерева
и блеск солнца на никелированных поверхностях, если б я
мог стать облаком в небе, которое в нужный момент заслонило
бы солнце и приглушило свет, если б я был кинофильмом!
Нет, если б я был жизнью! /Вот до чего доводит бескомет-
ность – полна чистая лирика и, кажется, отнюдь не лучшего
толка, но – вперед, все равно – только вперед, я должен
попытаться "выложить" все, что могу!/. Да, я – благород-
ный динозавр, я обеими руками – "за" кино, я готов вымереть
сознательно, почти добровольно.

Так я себе это представляю: сначала – кадры высочай-

шего операторского мастерства - осенняя аллея, мокрые листья, воробей, осторожно поворачивающий голову и подпрыгивающий к кромке хлеба. /Хлебная кронка набухла от воды и что-то в ней отталкивавшее взор и притягательное для взора одновременно/. Разорванное обдака. Звук шагов по асфальту. Отдаленный неясный шум города, не нарушающий общей гармонии этих кадров. Обязательно стихотворение - вкрапленное, как осенний пейзаж, не выделяющееся из него, если не вспомнить специально. /Может быть, и музыка, но музыка отдельная от стиха, живущая своей, независимой жизнью/. Для этого стихотворения очень подошла бы та самая первая кушнеровская строчка, а дальше я бы придумал лучше, оно уже звучит во мне вместе с этими кадрами кинофильма. /Боровство пришло бы, конечно, прикрыть стилизации аннографом: "Случалось ли читателю, как я..."/ А.Кушнер. "Отказ от поэзии"/. И тут, в этих осенних кадрах мы бы и встретились совершенно случайно, не обратив пруж на друга никакого внимания. Случалось ли читателю?... Все будет на экране совершенно одновременно! /Хороший фильм можно смотреть множество раз и каждый раз замечать не увиденные прежде детали/. Воробей, подпрыгивающий к хлебной кронке, должен быть не фоном, не деталью, он должен стать действующим лицом, как и мокрые листья, впрочем. Как пейзаж у Чехова. Активность неодушевленных предметов в кино - идея принадлежит не мне, а одному прекрасному режиссеру. Я так и не смог выразить волшебства кино, которое толкает меня к осознанному вымиранию. Впрочем, и у литератора есть нечто, чего нет у режиссера - ему легче быть независимым, суверенным. Он творит один, как Всевышний /вера или отсутствие веры в которого для чистого сравнения значения иметь не должны/. "Ты царь. Живи один". Будь я кинофильмом, то есть, будь я режиссером --

Ничего бы я не показал. Я так разонедался, что позабыл об этике, в оней забывать не стоит. Себе дороже. Правду рассказать невозможно еще и просто потому, что она - правда. Из этических соображений. /Приходится выворачивать сетования наизнанку/. Я могу показать, как встретились и не обратили пруж на друга внимания вымышленные героя, но как мы

с ней встретились и не обратили и т.д. - показать абсолютно немыслимо, невозможно. Говорить правду от первого лица смешно, бессмыслицо и неэтично /иногда - просто подло/. А "правды от третьего лица" - не существует. Правда - тьма бесчисленных обстоятельств, все их не удастся описать и на сотни тысяч страниц. /А ждать - никогда! Из темного подвала, из зарешеченного окна с вентилятором, из глубины низкого двора душа зывает к освещенной кабине грузовика, к дереву, дому, небу и Всевышнему/. Жизнь - сюжет для небольшого рассказа? Как бы не так! Так было давным-давно, в те времена, когда наши бабушки были еще молоденькими девушкими, и некоторые из них - о, счастливцы! - ходили в белых платьях на гимназические балы. А сейчас жизнь не только не укладывается в небольшую новеллу, но даже рамки романа стали для нее too small. Жизнь - это гора беспорядочно сваленной на полу киноленты, которую некому просматривать и монтировать.

Стоп! Ложь! все - ложь, что я написал о правде. Не могу понять, как она прокрахась и где текстуально можно отметить ее начало. Вот - уже точно ложь: "правда - тьма бесчисленных обстоятельств, все их не удастся описать и на сотни тысяч страниц". /Вне зависимости от Всевышнего - Лукавый безусловно существует, и это его проказка - устроить так, чтоб ниши я лгал, как раз когда напряжение всех сих направлено к одному - говорить правду. Здрочем, так всегда и бывает. /Пан-ская: "Человек - нечто среднее между ангелом и животным. Чем более он стремится приблизиться к первому, тем более уподобляется второму/. Ложь, настоящая чудовищная ложь, которой верят /неприятно цитировать Геббельса, но здесь он течет/ - не сознательная пропаганда, а "правда насборот" - то, что происходит, когда замахиваешься слишком на многое, на все сразу, и не выдерживаешь. Самый страшный черт - падший ангел. Масса примеров в истории. Возьмем, скажем... -- но нет, страшно дотрагиваться по потайному чулану, на двери которого пришили четырьмя канцелярскими кнопками квадратик бумаги в клетку из ученической тетради с выведенным на нем каллиграфическим начерком словом "История". Пока мы вне истории, мы еще можем что-то понять, но стоит нам, запутавшись в своих проблемах, ползти за объяснением вглубь, в

историю /не в нашу личную, единственную достоверную, а в пресловутую Историю с большой буквы/, мы пропадем. Мы остались в рухнули в бездонный колодец времени, где не за что ухватиться, где наши шансы остановиться смехотворно малы. Бессмыслица по крайней мере гарантирует вневременность. Пора закрыть скобку и объяснить, в чем я солгал, но я уже тоже палар, я уже остыл. "Что было до меня и что такое "было"? Когда сдавать дела и ожидать конца?" Здесь что-то очень важное для меня, в этих банаьных /и, возможно, не-смотри на всю банальность, цверных/ размышлениях, почему-то кажется, что вот сейчас удастся ухватить правду, ту, которую я пытаюсь поймать наоушль, с завязанными глазами, словно в детской игре. Ибо /и здесь мы выходим за скобку, открытую бег знает когда, одновременно прогоняя говорить о том, о чем говорили внутри скобок, а это не предусмотрено языковой структурой, и что тут делать, я, право, не знаю/, ибо правда лаконична, проста и недвусмысленна, и только правдоподобие нуждается в сотнях тысяч страниц, чтобы винуть самому себе, что сие и есть правда. Правда - это страсть. Для подлинной страсти прошлого не существует. Любовь империальная. И ненависть тоже. Даже исторически мотивированная и социально окрашенная. Правда - то, что я знал отчетливо, но боясь произнести, чтобы весь мой мир, мой маленький космос не рухнул. Для жизни необходимо уединение, хотя бы карточный помик /или кукольный дом/. Кто не смог его для себя выстроить - дрогбает. Не в переносном смысле, а в самом прямом. Иногда - медленно.

Представьте себе - вот человек. /"Представь себе... кого бы? Ну хоть меня - -"/. Он не в ладу с собой, безусловно - не в ладу. Он хотел бы быть не таким, каков он есть, и знает, каким он хотел бы быть, и на слабость воли не может особенно покаловаться, но постоянно не хочется делать то, что должно. Он понимает: надо, необходимо. Но это нахотение сильнее его, сильнее не против его воли, а как бы заодно с ней, то есть уже сама воля оказывается чем-то внешним по отношению к человеку. Между тем, он вполне здоров, и разлад в нем не носит болезненного характера, не грозит перейти в распад; медицина в данном случае ни при

чем. Человек понимает это. Он задумывается. Почему так вышло? Почему он не хочет делать того, что /он знает точно/ потом принесет ему радость? Почему он не хочет быть таким, каким он хочет быть? Где ложь, которая проникла в него и мешает ему, как медленно, но неуклонно увеличивающаяся опухоль? Он анализирует. Он взвешивает. Он сопоставляет. Он ничего не может понять. Совсем ничего. Может быть, виноваты внешние обстоятельства? Да, да, скорее всего виноваты внешние обстоятельства. Простое и улобное объяснение, и оно – не от желания успокоить себя, а – ввиду отсутствия альтернативных.

Разве он виновен в том, что ему одно интересно, а другое неинтересно, что ему трудно и неинтересно делать то, что неинтересно? Никто никому ничего не должен. Но от подобных объяснений ничего не может измениться, и он это знает прекрасно. А он стремится к переменам: хочет, и жизнь свою изменить и сам измениться. Человек начинает думать по-другому. В чем, спрашивает он, в чем я живу всего более не так, как считаю нужным? – должно же, думает он, быть такое "узкое место" и его следует найти. Надо методично перечислить самому себе все, что плохо или неправильно в моей жизни и выбрать самое главное. Человек пытается поступить в соответствии с выработанным планом, и снова ничего хорошего не выходит. Потому что он не хочет перечислять даже самому себе "все, что плохо и неправильно", да и не мог бы, вероятно, даже если б сумел обмануть это желание. Мысль его теряет четкость, и он уже, покалуй, размышляет ни о чем. Но чем дальше он так ни о чем размышляет, тем больше догадывается, не желая себе признаться в этом /потому что боится правды не меньше, чем я или вы, глубокоуважаемый читатель/, что есть нечто, тщательно оберегаемое от сомнения, нечто совсем нерушимое, и что оно, это "нечто" – самое неустойчивое в нем, самое аварийное. И тогда наступает некая внезапная остановка /"аварийный останов"/, но без аварийной вылазки/, и в пуще его звучит особая музыка – как в детективе, когда близится развязка. Он рассматривает "нечто" и, поколебавшись мгновенье, задает себе страшный вопрос – а не ложь ли оно? Нет, понимает он, не ложь. Запыхается с облегчением. Все в порядке.

ке. Все хорошо. Но, вздыхая с облегчением, разве он не знает, что делает это зря, разве он не чувствует, что додгадался, что понял, где таится эта главная ложь! Знает. Чувствует. Он пытается отмахнуться, но - не отмахнешься. Есть ложь, есть глубокая роковая ошибка. Только - в прошлом. В прошлом он отрусил /кто из нас не трусил в прошлом?/, побоялся жестокости правды, он отрусил тогда, не понимая, что трусит, а теперь не то что поздно добить эту правду из глубины нарочитого забвения, но - не льзя. Нельзя. Лучшего слова не существует. Это как детям говорят - когда объяснить еще невозможно, но - не льзя. Во-первых какое-то инстинктивное сопротивление нарастает, а во-вторых, все разумные соображения - против. Добро /не как философская категория, а как добро/ - забвение, прощение путем забвения /ибо другого пути для прощения нет/, добро - это срок давности. Ложь можно исправить, ошибку исправить нельзя. Надо продолжать жизнь так, как раньше, ничего другого не остается.

"Ты сделал это, и будешь потом раскаиваться до конца дней своих" - препурещали? - да, препурещали. Он не то, чтобы не верил, он просто не понимал, что это значит. До конца дней своих! Магия библейских формул. Живая жизнь, Правда, наконец. Правда в том, что ложь - тоже своего рода правда, точнее становится ею ее временем. /"До свадьбы заживет, стернится - слюбится, время лечит, все там будем, никогда не было, чтоб никак не было, пусть все будет, как будет"/. Для всякой лжи тоже существует срок давности. /Для лжи, но не для ее носителя. Но носитель лжи - не обязательно лжец. Носитель лжи - это тот, кто ее вину-хром в себе носить и в себе же с собой унесет/. Здесь нет и намека на уравнивание лжи с правдой, наоборот. Суть всякой речи в ирониях.

Я знаю, что есть ложь, которую я никуда от себя не оттолкну. Если выверну.

Случалось ли читателю, как мне? ..

Случалось ли читателю?

Случалось ли?

Продолжение невозможно. И остановка невозможна. Здесь,

образно говоря, порок любого консерватизма: ни остановка не возможна, ни продолжение. Невозможна жизнь прошлого в настоящем; Мы все о том же. Это только кажется, что удалось спрятаться от истории - хрен от нее спрячешься! "В облаках - тот же гудящий бомбардировщик, летящий неведомо что бомбить". Только безответственность может перенуть перевернуть мир, у нее всегда есть точка опоры. С жизненным опытом приходит ответственность, форма консерватизма. Сочувствую консерваторам, ибо они всегда обречены на поражение. Даже если за них право наследования или большинство в парламенте. Любые консерваторы будут сметены. История не останавливается на середине пути. Всегда найдется какой-нибудь идеал, за который честный молодой человек может не без тщеславия отдать свою жизнь, и всегда отыщется кто-нибудь старше, кто этот идеал разъяснит. И тем не менее, на сакральный вопрос: "а приведись тогда тебе... а случись доинасть временем... был бы ты с ними?" - отвечает честно: да, был бы. И погиб бы ничего не успел. Иногда история не оставляет молодому человеку времени для раздумий. До консерватизма надо добрести. Консерватизм - это форма стоицизма. /Темные, мудрые слова. И - как абстрактно. Вася - рабский ханр. Философование часто напоминает сочинение басен. Есть важное различие между басней и притчей. У притчи не может быть автора/. Это о чем я говорю? Снова - не те, совсем не те слова, которые нужны. /"Ах, я пршу, оставьте нас вдвоем!"/.

И - совсем уж непрошеное воспоминание. Лес. Ночь. Темные дубовые листья; ярчайшие звезды в прорехах крон. Одиночество. И - запомнившееся навсегда - отчаянье. Отчаянье, замешанное на восторге. Какая ночь! Какая необыкновенная ночь! И все равно, все равно - все равно придется когда-нибудь умирать: /О, как вы банальны в пересказе, острые мгновения жизни.../. Жизнь коротка. Вот, пройдет - и унесешь оглянуться. Надо успеть! Что успеть? Успеть ее прокинуть. Ну, это ты неизбежно успеешь. Неизбежно... ИграТЬ, во что бы то ни стало играть роль, какую угодно! Сейчас, немедленно. /Радость от скачков настроения, бывших когда-

то мукой. Двойная сладость воспоминаний. Стоит жить. Жить стоит хотя бы для того, чтобы потом владеть воспоминаниями/ Жизнь - счастье. Жизнь - безумие. Жизнь - невыносима. Во что бы то ни стало дать немедленно полное, исчерпывающее определение жизни. /Слово "жизнь" - наязчивая идея. Определение жизни - наязчивое состояние. "Ты спросишь: кто велит...?/. Все лучшее в жизни - связано с жизнью связью с жизнью. Как пьянит этот лесной воздух. Спать, спать. Лес. Почти одиночество - только видели свет далекого костра. Тёмная тропинка. Силуэты деревьев. Никаких глаголов не требуется. Ночь.

Лесной летний комик. Свеча. Тонкие фанерные перегородки. Мерное поскрипывание кровати за стеной. Подростковая, где наступления подхаливая зависть, и детский, смешнойстыд. Соорудиться - невозможно. Жизнь - это жизнь.

Свеча потухла. Мрак. /Самое страшное и темное в том воспоминании, в том ощущении - не расскажу. Но.../. Не хочу слушать и напрягаю слух. Раб страстей. /Раб не должен иметь страстей/. "Я любил свою разных красавиц, но всегда замечавших меня". В той или иной форме это грозное, темное ощущение, которое мне довелось испытать тогда в лесу, знакомо каждому. "Служалось ли читателю, как мне?" Служалось ли мне, как читателю? Служалось, конечно, но, увы, слишком редко. Трусили. Чаще всего - трусили. /Отвечая на вопрос, который забыл задать - почему?/. Стоп! Слишком прямые вопросы и слишком искренние ответы - тоже ложь. Посидим, порогий читатель /если тебе еще не наскучило сие чтиво и ты "дополз" до этого места, за что, впрочем, не благодарю тебя, ибо если ты и не "дополз" - я все равно продолжу/, помолчим, подумаем, зачем нам это: мне - писать, тебе - читать?

Ночь. /В реальном времени/. Об освещенности дерева солнцем говорить не приходится. Фонарь, однако, горит, и дерево видно вполне отчетливо. Конка спит на диване. Луна не взызывает о помощи. Устала. Усталость - форма сокрушения. Мысль тоже устала, стала бескрылой, отстает от пера. Она уже не мечется, не выхватывает - пятно через песятое - образы и воспоминания. Может, хватит?

Теперь, когда пуша утомилась, вижу, как слаба и неустойчива бессмыслица - и в узком и в самом широком смысле. Жизнь должна иметь смысл. Режим дня, на худой конец. Проверя - тоже. Все-таки и проза тоже. Такие в путевых заметках смысл "перлит" все нити. И пусть автор на сорока страницах вспоминает о своей первой любви или разлагольствует о коренном различии восточной и западной философии, он прекрасно помнит /и мы, читатель, помним/, что скажет - все еще между пунктами А и В и днему, и смыслу, автор может в любой момент вернуться. Злобавок, он знает, что у него впереди - думит В. Нам с тобой, мой читатель, куда хуже, у нас впереди - неизвестность.

К тому же - стиль. О чем я там писал, в начале, я почти позабыл, и как перескакивал или переползая от одного к другому - тоже позабыл, но что ритм всего вместе выходит рваный, с перебоями - это я понимаю и чувствую. Мне некогда думать о ритме и о языке /так я погружен в болтовню о ритме и о языке/, вот и выходит, что ритм рваный и язык неодинаковый.

И все же - за мной, читатель! Пусть первое освещено только фонарем /конка, кстати, снова спит на диване/, мы пойдем вперед до конца - до утра, до правды, до полного изнеможения, потому что остановка - невозможна. В моих чуланах еще набросаны целые муки скобок. Хочешь ты следовать за мной или нет - я продолжу. Самое главное - писать не останавливалась. А то, что глаз устал и не выхватывает предметы, как аму заблагорассуждается - только к лучшему. Ему спокойней, да и нам проще.

"Этот рассказ - о несостоявшейся любви, о том, чего не было, но что могло бы быть так прекрасно, если бы могло быть, потому что этого не только не было, но и быть не могло, потому что если бы могло быть, то было бы - наверняка. Ибо было бы прекрасно". /Нет, не цитата, но кавычки необходимы. Не стоит всматриваться слишком пристально в красавости, потому что они всегда содержат в себе логическое противоречие. Красавости - полезны. Давайте жить высоко-парно. Умирающий герой полчаса поет последнюю арию. Чувства смешны. В обычное время мы их не замечаем. Кипрессонизм смешен для трезвого глаза. "Пахло мокрыми заборами"!

Что это могло бы означать? Греза. Катарсис. Очищение. Лальнейшее – безмолвие. "Сарыта шагой – не лопатой! – Манон Леско". О, как противоречива человеческая натура! /Все говорили о мной плохо, все – не сговаривалось. Отчего мне было не поверить – ведь я, собственно говоря, совершенно не знал ее?/. Время все прессует, и из множества эпизодов складывается картина жизни, которую уже не расчленишь "назад" – на эпизоды. Логично, так как жизнь – необратимый процесс. Болкая хронология поэтому – условна. Время – горный ручей с водопадами, а не равнинная река. Идти в прошлое подниматься по времени. Ось времени на чертежах следует направлять сверху вниз. /Кстати, уберегает от ложного оптимизма. Самое глубокое неверие в жизнь – это легкий и оттого ложный оптимизм. Тот, в ком горит огонек надежды, не боится погрузиться во тьму./. "Когда бы мы знали, что мы отвергнем, когда б мы представляли наперед..." Манон. Со временем кадры накладываются один на другой, но изображение не становится безымянным. Оно обретает новое имя. Реакция полимеризации. Пример высокой конструкционной прочности. Манон. Сумма эпоксидной смолы и отвердителя – прекрасное полуупрозрачное глубокого цвета твердое, прочное вещество. Итог. Манон. "Все мысли и слова я отпускаю с богом, останется ты одна, мой светоч и канон. На завись центурии и злобным испытованиям верни мне этот день, не уходи, Манон. Мы пленники судьбы и в ней одновременны" – Поспешим захлопнуть скобку, потому что иначе не удержать птицу стихетворения. Может быть, строки не так прекрасны, как кажутся мне, но не могу отделить свою юность от них – "затерянны в толпе истасканных имен" – наваждение – "не искушай судьбу, не проплевай измену" – о, господи! – "верни мне этот день, не уходи, – –"/ Манон!

Мысли – чучовища, пожирающие сами себя. Рефлексия – постоянная, неустанная рефлексия – здравия всякого искусства, символ любого творчества. Стихи должны быть о том, как пишутся стихи, в крайнем случае – о том, как они будут писаться /"минута-и стихи свободно потекут"/, фильмы – о том, как снимаются фильмы, настоящая научная дисциплина должна в первую очередь стремиться определить возможности

и границы данной научной специальности. Всякая вещь - это вещь в себе. /"Я должен был... ограничив знание... дать место вере..." Иммануил Кант/. Есть границы, которых не перейти вовек. Но живущему это безразлично. Живущий - да будет жить. Пусть мертвые сами хоронят... Стоп! Пусть сами... Нет!

...Раньше все было иначе, раньше туда не ходил трамвай, не было новых районов, с трех сторон захватывшее кладбище, вынужденное отступать все глубже в лес, как затравленный зверь. Запомнилось, как в день рождения покойной бабушки мама вела меня через сугробы за руку, и мы торопились, чтобы не возвращаться по темной и пустой дороге. Раньше там не было черных гранитных прямоугольников с фотографиями и мраморных бюстов, а стояли слева от главной дорожки, утихавшей в лес, кресты, а справа - еврейские деревья с обрубленными ветвями. Зима только начиналась, снег лежал почти нетронутый, и я старался ступать след в след за мамой, чтобы не нарушать его чистоты и белизны. Тогда существовало и старое католическое /"польское", как его у нас называли/ кладбище, которое потом присоединили к парку, - и мы еще успели мальчишками, в первых классах, после уроков приходить туда и забираться в склепы, - их быстро забросали глиной, присыпав при этом нижние части стволов старых деревьев, отчего ветви выглядели неестественно низко нависшими над землей. /Там, внутри, было темно и страшно, сырое и таинственно. Сердце замирало, а потом начинало колотиться в бешеном темпе. Если б там и тогда кто-нибудь всерьез сказал мне о Воссвященном, я поверил бы на все киань - до конца дней своих. Но мы просто то орали, визжали, пугали друг друга, то замирали при шорохе шагов завсегдатая парка-бездолного горелского сумасшедшего, чей сосредоточенно-растрапанный вид внушал нам ужас/. Пусть мертвые сами хоронят своих мертвцев... Оставь мать свою и отца своего и или за мной... Отец - лоза, а я - виноградарь... Нет!

мысли не нужно никаких объяснений, чтобы переключить с одного предмета на другой. Инсль свободна от обоснований, она в них попросту не нуждается. Чего никак нельзя сказать о тексте. Грунтовость перехода - специфика лирики. Хотя - ка-

кая может быть лирика в прозе? Проза - преодоление лирики, тем она и отличается от философского текста. /Ибо философ - поэт в душе, скорее, чем кто-либо другой. "Заниматься философией - учиться умирать"/. Чтобы писать прозу, надо понимать людей. Внутреннего опыта - мало. Опыт поэта и опыт прозаика - совершенно разные виды опыта. Понимаю ли я людей? Других людей. /Стоит замереть пишущей руке, как меняется темп и ритм внутреннего дыхания и упратанный в глубинах левого мозгового полушария аналитик начинает внедрять структурные элементы в ход чувств и воспоминаний. Но нет - никакой программы, никакого упорядочения! - аварийная выдача: все подряд!/. Понимаю? Нет, не понимаю. Да, понимаю. Женщины - лучше, чем мужчины. Женщин-то как раз абсолютно не понимаю. С годами опыт заменяет понимание. /С точки зрения пользы опыт куда важнее понимания/. Опыт противостоит пониманию. Чем дальше, тем быстрее опыт вытесняет понимание. /С женщинами - в большей степени, чем с мужчинами/. Исследование сущности? - нет, прошлое поведение. Чем дальше - тем скучнее понимать людей. Радостное изумление: все люди - разные! - изгладилось. Горькое недоумение: "все люди одинаковы" - осталось, поднялось и усмиглось /конечно, благодаря опыту/. "Не сравнивай - живущий не сравним". Сравним, конечно, сравним. Сравним поц одну гребенку. "Возможна ли женщина мертвей хвала?" Нет, невозможна, ибо, как известно, женщины все одинаковы. Ночью все кошки серы. Зачем испытывать радость и смущение? Куда как проще начинать со стандартного приветствия! Куда как удобно исходить из человеческой однородности. Из однородности человечества. Может, где и ошибешься, зато наверняка не будешь тратить лишнее время надуманье, да и ошибешься не так уж часто - "в среднем" не прогадаешь. /Нестично? Зато - работает. Пойдите, скажите физику, что его гипотеза нестична!/. Жизнь подтверждает циничные банальности. /Все продается и все покупается. Свой рубашка ближе к телу. Зачем мне сено - чухое горе? Не подмажешь - не поедешь. Любишь кататься - люби и саночки возить. Хочешь жить, умей вертеться/. Идеалы быстро инфицируют. "... Тиран, предатель или узник". У всех все бывает одинаково. Китайцы такие же люди, как американцы. Американцы - те-

кие же люди, как и мы. Кроме истории философии никакой философии истории нет и быть не может. "Служалось ли читателю как мне". Мог бы и не спрашивать. /"Чтоб впоследствии страсть, как науку, обожанье, как полигон достичь"/. С годами все хуже понимаешь и все безошибочнее действуешь. Опыт. Автоматизм. Интеллект мало помогает при вождении автомобиля. /Есть мнение, что интеллект вообще в практической жизни больше вредит, чем помогает, но это, по-моему, уж слишком/. Опыт дает готовые формулы - применяй быстро и не запоминайся. /Если человек отказывается от престижной и высокооплачиваемой работы, значит он получил лучшее предложение. Если женщина не замужем, она стремится выйти замуж. Просто так ничего не бывает. Если молодой человек занимается наукой, он хочет защитить диссертацию. Дальше продолжайте сами/. Никаких сложных допущений, объясняющих поведение людей, делать не надо, лучше поискать простейшие соображения. Так проще. Так экономней. Так надежней. Артиллерия - бог войны, статистика - бог мирного времени. Неустойчивый современный мир опирается на спины лишь двух котов - артиллерии и статистики. Царь Соломон постоянно спрятывал свое воображение, потому и считалось, что он мудр и хорошо знает людей. Позитивная всегда полная базальность, хорошо выраженная. Например, "Библейская". За внешними, поверхностными различиями всегда обнаруживаются скрытые истини поведения. /Моя отрывочные знания по истории человечества подтверждают эту мысль/.

Важно, понимаешь ли ты других. Даже лучше, если не понимаешь. Важно - понимать, что их не нужно понимать.

Невзапомятные времена. Москва. Косомольский мост. Нервная девочка с не весьма эффектной внешностью. Держу ее за руку, "угаиваю" мысли по "блюткам". /Ситуация банальна до предела. Сердце колотится. Все знают цену подобному напряжению. Ахорадка/. И я действительно угаиваю! Нет, этот испуг в ее глазах - ненормальный испуг. Как ты догадался? Я же говорил, по блюткам. Не верит. Улыбаюсь. Ну посужай сама, как я мог иначе догадаться об этом! Нет, но как же ты догадался. Молчу. Триумф. /Была ли испытанный в такой мере когда-либо позже/. /"Сегодняшний день - есть день в-

личайшего торжества: в Испании объявился король - это я!/. До сих пор не верю сам себе: я действительно погадался, отгадал мысль, и не бытовую, даже, доказуй, не банальную. Как? никак, случайно. Но не совсем же случайной! Случайность - только термин, и когда мы понимаем другого с полуслова - это одна случайность, а когда nocturnal электричка сбывает человека - совсем другая. /Первая случайность противостоит хаосу, вторая - служит ему/. Очень старался, очень хотел угадать. /"и те, кому мы посвящаем опыт, по опыта приобрели черты"/. Я очень хотел угадать, но дело даже не в этом. Главное - я и мысли не допускал, что все люди одинаковы. Наоборот. Однаковых людей не бывает. Никогда. Она должна лумать так, как никто другой не лумает. иначе. она не похожа на других.

Как старался я тогда понять другого человека! как я плохо тогда понимал людей. Объяснял поступки недепыми, усложненными соображениями, не замечал очевидного. Отрицал безусловное. /"Манон. Моя манон? нет, этого не может быть!/. Сколько бы я вам ни старался объяснить, каким скособоченным виделся мне тогда мир, не поймете. /и теперь и сам этого не понимаю, и не верю. Иногда, когда вспоминаешь, тянет ущипнуть себя за руку, чтоб убедиться в реальности. Хотя бы в реальности воспоминания/... начная фразу, не знал, как закончить ее; договорив до конца, был уже абсолютно уверен в полной проклятности проделанного. Лгал и сам себе не верил. Лгал для себя. Пынял от длины. не мог остановиться - как настоящий пьяница. Порою удавалось очнуться - хватался за голову: что делал, зачем? но такое "отрезвление" быстро проходило, и снова наступало магическое оцепенение - оцепенение суетливых терствий. Начинало казаться, что стоит сказать нечто, даже потушить - и оно появляется в мире. "Господь творил из ничего - учись, художник, у него". Я первая реакция воображения: вчерашний вымысел - сегодня факт. Своего рода фанатизм. Сколько щелчков получил по носу!

Незапамятные времена. За пять-семь лет все клетки в организме заменяются новыми. Разве то был я? И изменил себя, изменился полностью. Почему окружашке не замечают? А теперь не такой! Сердце колотится все яростней, краска вну-

транного стыда приливает к щекам. /Веру зеркало, смотри на себя самого. Ничего не заметно/. Господи, сколько было сделано глупостей! Все - вопреки природе, все - как бы назло самому себе. Леденое томление, бесконечное движение по тусклому коридору обожжитя - из конца в конец, из конца в конец. Что же делать? Что же мне делать? И сквозь растерянность - нетерпение, вечное и жестокое мальчишеское нетерпение: все - сейчас, только сейчас, сегодня, сию минуту, отложить на потом невозможно; думне в этих стенах, думно вообще, всюду думно. На улицу!

Зато - была налаза. Такой, когда шел снег, когда Воробьевы горы казались опустевшими в ночном свете заснеженных фонарей - вот тогда я, безусловно, понимал довесей. Если я и был когда-нибудь самим собой, то именно тогда - ночь, во время своих одиночных прогулок. Вдруг, задним умом, начинал понимать все-что, начинал сопротивлять, что щелчки, пальчики и сплаухи, которые отвешивает мне реальность, более чем заслужены - чего же еще могу я ожидать, если от всех требую, чтобы они были такими, как я? Те, кто не такие, как я, мне не интересны. А что есть я сам? Нечто зыбкое, все время меняющее очертания, бесформенное. Однакды, в августе, уже в самом его конце... --

Нет, все это линейно и скучно. Кабегать связного рассказа! Связный рассказ - невозможная тоска: мысль, подобно очень маленькому ребенку, может только прыгать и мордиться, либо премять; остановившись, она начинает "клевать носом". Любое волнение быстро успокаивается. Надо спешить. Моя аварийная вынужда чрезмерна длинна и неудобочитаема. Скачка с препятствиями. Былое небо, звезды, голос, скрывающий волнение. ничего голосом не скроешь. С трулом управляемая речь. Драма. Это не холод, это синоб, который не от холода. Ага, и вам холодно. Понимай. Ничего вы не понимаете. Интересно, почему вы так полагаете? Добежали, вот наш автобус. Давайте пройдем пешком. Дет, давайте уж лучше на автобусе. Ну, на автобусе, так на автобусе. А мне здесь нравится. Мне нравится, что речь - чужая. Когда вокруг тебя все говорят на другом языке, кажется будто ты сама меняешься. Вы никогда этого не чувствовали? Да. А странно вообще все это вы-

шло. Мы были столько лет знакомы. Какая темная дорога, и как здесь здорово - у нас в городе никогда не бывает такого воздуха. У вас есть братья или сестры? Старший брат и сестра младше на год. А почему вы спрашиваете? Да так. Смотрите, какие звезды. Мы не проедем свою остановку? Постараюсь. Знаете, я очень не хотела ехать сюда. Меня, можно сказать, заставили. И тоже не хотел. Почему? Нам пора выходить.

Мгновенья неповторимы и не переводимы на язык других мгновений. Память - голос за кадром. /Конечно же я не понимаю других людей. "Как будто это все существовало! Как будто это все не кружева, не вымысел, не бегство от прямого решения!.../. Все, что я раньше писал - оттого и плохо, что - неправда. Ложь для служебного пользования. Человек не может измениться. Если нетерпение стало чуть хитрее и научилось прятаться, разве суть его изменилась?

Чем так называемая "жизнь всерьез" предпочтительней так называемой "игры"? Когда понимаешь людей, излишняя откровенность ни к чему. Откровенность - самая совершенная форма литературного искусства. Тут можно пуститься в длинные рассуждения. Провинциальные актеры - малоприятные люди. О, как мы все провинциальны в своей откровенности. Ну, что можно рассказать, если не говорить о тех странных подземельях, о которых нельзя говорить. /Внутри нас - подземелья, и вне нас - подземелья/. Прошлое ничем не устойчивей будущего. "Еще я замечу тяжелый и очной небосвод, обломок луны над огромным, как крепость, сараем". Уви, уви, уви. Желание, страх, откровенность, надежда, отчаяние. В конце - бицальный разрыв. "Остались друзьями". Теперь она для меня - "другой человек", и все. Да, а понимают ли в других людей? /Свойство естественного языка - вернувшись к исходной точке, можно этого не заметить. Слава богу, что в нас так мало логического. Можно ничего не требовать от других и все прощать себе. Жизнь - наука печали. Нечаль - наука жизни. Стандартная обратимость серьезных высказываний в естественном языке. Случалось ли читателю как мне? Случалось ли мне как читателю? Хаос луши кристаллизуется в форме простых вопросов, на которые не дашь простых ответов. Вычеркиваю все

страницы. Если нет возможности рассказать правду, воспользуемся возможностью не рассказывать неправду. Ложь, которая сходит с рук, губительна. /Делюсь опытом, а не философствую. Опыт – основа педагогики/. Чем лучше понимашь других людей, тем легче ложь сходит с рук. Совесть и разум имеют столь же малое отношение друг к другу, сколь жираф и сова. Сердцевина истины. Душа – как обглоданная кость. К черту – собакам! Эх, хорошо бы жить в лесу, у реки. Еще лучше – в горах. Хорошо бы жить хорошо. Страхнем с себя оценение. Никто никому ничего не должен. ничего объяснять не надо. "Прислушивешься: не слышен ли твой голос? Ведь нет помех".

Речь всегда обращена к кому-то одному...

Когда балансируешь на грани между смыслом и грамматической, легко оступиться. Свести языковыми спекуляциями любое высказывание к абсурду – несложно. Язык полон опасностей, как леса Бразилии. Зазор между семантикой и грамматикой. Ярфт семиотики. Нескважанный механизм восприятия. Вдруг из-под собаки лают ворота. Нет, не понимав и других людей. Никогда не понимал и теперь не понимаю. Да и не пойму никогда. "Но – парус! Порвали парус!" Мне – понимать других – не дано. Каждый бьется о генетически заданные границы. "Душа не может вырваться наружу, грунтову клетку страха не разбить..." С природой несложно согласиться. Впрочем, ей наше согласие и не требуется. Подисах, не подисах – получай свое. Даль, что я не занимался серьезно физикой. Квантовая механика учит жизни. Принцип дополнительности. Принцип двойственности. Дяди, которые придумали это, зубрили в гимназиях называть латинские тексты. Бор. Дирак. Бори. Занято. Как огромна Вселенная. Ночью она куда больше, чем днем. Черные пыри. Суперкардики. Пульсари. Усталость смущивает веки. Не понимаю, не понимаю, не понимаю! Мы встретились случайно и поначалу не обратили друг на друга внимания. Период сближения опускаю, как идилический до безвкусия. Потом... Нет, не могу назвать это ударом, скорее – легкий толчок, просто неловкость, некоторая заминка, замечание, которое можно счесть за бес tactность. Болезненность восприятия на почве обостренного национального чувства. Что-то вроде заморозков на почве. Зачем мне это передали? Не всегда удается быть на высоте, чтоб отстраниться от информации.

"Ты веришь слухам, и не веришь мне". Все могло бы быть так хорошо. Эта история - не о нас. Не о нас и не про нас. Жизнь невыразима. К ее устойчивости невыразимость ее никакого отнекания не имеет. Собственно говоря, все на свете - не более чем обсуждение проблем семантики. Дальнейший рассказ в рамках выбранного края принципиально невозможен. Больше ничего нет за думой, по крайней мере - в текущий момент. "Что ты любил на свете больше всего?" - "Реки и улицы - длинные вещи жизни". Хорошо, если город большой и можно ходить по его улицам, каждый раз меняя маршруты. Я живу в маленьком городе. Робинзон Крузо жил на необитаемом острове. Я уже слишком скончен. "Человек размышляет о жизни, как ночь о лампе". Жизни на Земле не существует. Жизни вообще не существует. Все хорошо. Скоро - рассвет. Дождик - абсурда. Хотелось бы действительно когда-нибудь дойти до абсурда и посмотреть, что это за штука такая. /Может ли существовать объективная информация об абсурде? Может, поскольку давно уже никто не понимает по-настоящему, что такое информация/. Абсурд - это квантовая механика - для тех, кто не знает, что она истинна. Истина, т.е. верна. Верна, т.е. всесоглаша. Всесоглаша, т.е. истинна. И наоборот. Следовательно - очевидна. Очевидное - недоказуемо. Но стратическая гипотеза - Пятый постулат современности. Все является дополнением к себе самому. Любовь - ненависть, а грех - подвиг. Собственно, все прекрасно знает, что так оно и есть. Безумие - высшая мудрость. Отсутствие структуры - величайшая упорядоченность. Ну кто же станет спорить - все равно имели случай убедиться в этом! А все же странно, когда обнаруживаясь, что не можешь в себе отличить ненависть от любви. На кой черт мне было задаваться вопросом о других, когда я сам себя совершенно не понимаю! Нельзя плить эту истерическую игру "в сообщение" бесконечно. "Твоя жизнь - кризис безрезультатного сознания", - сказал мне как-то один приятель. Я готов с ним согласиться. Ну почему бы не согласиться? Бог, - то же самое, что правда - абстракция. Обычно, если его действительно нет. Но его, к сожалению, нет. Почему бы не почувствовать маленько? Тем не менее, сердце порой

замирает от суеверного ужаса. Выразить его средствами естественного языка не представляется возможным. Рудиментарный орган страха, несомненно, в человеке есть. Витимо, суть-то устойчива по Ляпунову. Оставаясь в рамках естественного языка, мы не можем проанализировать свое мышление. Бесконечные скобки – бесконечные зеркала. /Уже совсем светает/. До восхода все должно быть закончено. Время – черная пыра, поглощающая воспоминания. Поглощая воспоминания, время порокляет мысли. Попытаешься решить проблему времени палладиевыми средствами. И не отвечай за того, из незапамятных времен, и он за меня не отвечает. Соловей так же мало знает о своем голосе, как голос – о солище. Певец – это тот, в ком живет голос, живет, как постоялец, как офицер на частной квартире. Любой талант своеюлен по самой своей природе. Талант не отвечает за своего владельца. /Правильнее было бы назвать его не владельцем, а носителем/. Гений кучка чаще совмещается со злочестивом, чем кажется. Хотя в принципе, они, конечно, как сказал великий русский поэт, две вещи несовместные. Я играю роль машины, разгружающей пыльть, могу тутъ себе волью. /При беглом чтении можно вместо "разгружающей" читать "разрушающей"/. Лет ничего, кроме постоянного чувства вины и вспышки восторга; тогда вина отступает. Мне никогда не удавалось быть откровенным, даже с самим собой. "Аварийная вылазка" – ведь невозможная в принципе. Строение, лишнее каркаса, разрушается. Нельзя обойтись без сюжета. Хотя бы внутренний сюжет должен быть во всем. Но стоит ли – вообще? А? О самом главном я все равно не скажу. "Я не посмел бы, если б мог". Главное – я должен носить в себе, и с собой унести. Есть нечто большее в нас, чем мы сами – это воспоминания о том, что... Бессмертная пуша вспоминает, чем были раньше. Грешен, Господи! Наша вина больше нес. Как мы крепки, если выдерживаем. Я и не знал, что так несломим. Я понял что такое Бог – это вина. Для верующего. Все не только может, но и должно иметь множественное обоснование. /"Постоянный конец войны – это на тонкой спинке венского стула платье одной блондинки"/. Распад личности – сыграть?! Множество можно сыграть, но распад личности – нет. Й-то крепак

умом, а вы? Проверяйте себя время от времени на простых математических задачках. Даже Гильберт к концу жизни ослабел умом. Опыт следует принимать как дар, с благоговением. Избыток информации - абсурд. Опасаться нечего. Моя бессвязанные записи тоже содержат некоторый опыт, иранда, отрицательного характера. Его можно выразить лаконично: разрушение смысла нельзя считать ни разумным, ни бессмыслицким. Гибель той или иной цивилизации нельзя расценивать только с точки зрения морали. И вообще - не стоит их оценивать с точки зрения морали. Солнце вот-вот взойдет. Надо верить в будущее - постольку, поскольку сие еще не настало. Улавливая обрывки живой мысли, нельзя ухватить ее целиком... Воспитывать терпение в детях... Избегать политической бравады... Ждать, сидя тихо, ждать, как Иван-царевич - Аарнтицу... Не мириться со злом... Не поддаваться страху... Терпеть, но не смиряться... Несмотря на все высказыванное, смысл - структура, и смысл действительно противостоит хаосу. Я не хожу абсурда и никогда его не желал. Люблю запах горящих листьев, вкус поджаренного на костре хлеба. С каждой следующей фразой общий смысл текста плавается все банильней. Дерево уже освещено солнцем. Конка... - черт с ней, с комкой! И все же не только я, все мы мыслим пятое-через-десятое. Смерть неизбежна. За этим мгновеньем наступит следующее. Взывать о помощи не к кому.

Ситуация безнадежна. Я не теряю надежды. Все.

oooooooooooo